
Л. И. АКСЕЛЬРОД
(ОРТОДОКС)

ЭТЮДЫ
И
ВОСПОМИНАНИЯ

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
ЛЕНИНГРАД
1925

Г. В. ПЛЕХАНОВ.

(К 40-му юбилею.)

I.

В замечательном «Философическом письме» Чаадаев писал: «По нашему местному положению между Востоком и Западом, опираясь одним локтем на Китай, другим на Германию, мы должны бы соединить в себе два великие начала разума: воображение и рассудок; должны бы возмещать в нашем гражданском образовании историю всего мира. Но не таково предназначение, павшее на нашу долю. Опыт веков для нас не существует. Взглянув на наше положение, можно подумать, что общий закон человечества не для нас. Отшельники в мире, мы ничего ему не дали, ничего не взяли у него, не приобрели ни одной идеи к массе идей человечества; ничем не содействовали совершенствованию человеческого разума и исказили все, что сообщало нам это совершенствование. Во все продолжение нашего общественного существования мы ничего не сделали для общего блага людей; ни одной полезной мысли не возросло на бесплодной нашей почве, ни одной великой истины не возникло из среды нас. Мы ничего не выдумали сами и из всего, что выдумано другими, заимствовали только обманчивую наружность и бесполезную роскошь». Так печально и так безнадежно звучит суровый приговор, произнесенный над русской исторической действительностью одним из крупнейших умов русской земли.

Честное и смелое мышление, вооруженное результатами европейской науки и просвещения Запада, показало Чаадаеву ясно и отчетливо, что русская история бедна внутренним содержанием, что в ходе ее развития не было великих драматических потрясений, которые переживались западно-европейскими государствами по пути своего величественного шествия вперед, осуществлявшими, говоря словами Гегеля, прогресс в сознании свободы.

Вдохновленный системой Шеллинга, Чаадаев старается объяснить причину русской отсталости при помощи мистических элементов философии немецкого мыслителя. Россия представляет собою «пробел в порядке разумения» благодаря ее религиозной обособленности. Универсальный католицизм, служивший, с точки зрения Чаадаева, объединяющим началом средневекового мира и главным двигателем духовной культуры — вот чего не хватало и не хватает России для внутреннего ее развития и приобщения к западно-европейской цивилизации.

Проповедуя религиозную идею как спасительное начало, Чаадаев, будучи поклонником Эпикура, вряд ли мог найти полное эмоциональное и интеллектуальное удовлетворение в этой проповеди. Но как бы ни обстояло дело с состоятельностью найденного принципа философии истории, проблема в ее общем отвлеченном виде была теоретически поставлена впервые. «Философическое письмо», которое, по остроумному замечанию Г. В. Плеханова, «сделало для развития нашей мысли бесконечно больше, чем сделает целыми кубическими саженьями своих сочинений иной трудолюбивый исследователь России «по данным земской статистики», указывало с полной отчетливостью общее направление, по которому должна следовать русская общественная мысль. Масштабом и критерием культуры и гражданственности были признаны культура и гражданственность передовых стран Западной Европы. Прогресс этих стран совершается по общему закону, уклонение от которого не является преимуществом, плюсом, а, напротив, составляет «пробел в порядке разумения». Пресловутая самобытность, это азиатское наследие, на котором славянофилы, также опираясь на Шеллинга и даже на Гегеля, сооружали свою вселенскую утопию, подверглась решительному и беспощадному осуждению.

Однако, концепция Чаадаева, совершенно справедливая в смысле общего, отвлеченного определения русской проблемы и являющаяся именно благодаря этому общему определению исходным началом сознательной общественной русской мысли, конкретно не давала и не могла дать никаких практических указаний вследствие своего идеалистического, точнее религиозно-мистического содержания.

Конкретно, практически задача приобщения русской действительности к западно-европейской культуре была поставлена декабристами. Декабристы, исходя из политических основ, сознательно стремились к тому, чтобы приблизить русский общественно-политический порядок к западно-европейскому провозглашением гражданской свободы и необходимых соответствующих государственных учреждений. Отмена крепостного права

являлась одной из сторон задуманного ими переворота. В своих политических стремлениях и сокровенных надеждах поднять свое отечество на высоту западно-европейской культуры некоторые из них не отступали перед мыслью установить в России республиканский порядок.

Но смелая, героическая попытка декабристов, положившая историческое начало русскому освободительному движению, не оставила после себя никакой организации, подобно тому, как не основал школы Чаадаев.

Такие световые явления на общем темном фоне крепостной русской действительности сильно напоминают собою картину известного швейцарского художника Годлера, на которой среди огромной груды спящих человеческих тел стоит один проснувшийся. Все окружающее спит глубоким, непробудным, мертвым сном, нет ни признака сознания, а тот, который проснулся, оглядывается с жуткой нерешительностью, явно спрашивая себя: а не лучше ли и самому уснуть!? Фактическим подтверждением основательности этого сравнения могут служить следующие строки из дневника Герцена: «Сегодня я читал какую-то статью о «Мертвых душах» в «Отеч. Записк.», там приложены отрывки. Между прочим, русский пейзаж (зимняя и летняя дорога); перечитывание строк задушило меня какой-то безвыходной грустью. Эта степь — Русь — так живо представилась мне, современный вопрос так болезненно повторялся, что я готов был рыдать. Долог сон, тяжел. За что мы проснулись — спать бы себе, спать, как все около!..» Все спало около и пробуждение казалось, повидимому, минутами тяжелой карой, в особенности тогда, когда проснувшийся оказался в далекой Сибири... Но лучшие русские люди мужественно и самоотверженно несли свой крест гражданского одиночества, не переставая искать путей и способов для воздействия на спящую Россию.

Тридцатые и сороковые годы, несмотря на нашу хроническую реакцию сверху, знаменуют собою эпоху, сравнительно богатую философскими и общественно-политическими идеями, оказавшими несомненное влияние на освобождение крестьян. Главный вождь этого периода Белинский пережил, быть может, как никто другой в истории передовой мысли, великую и страшную трагедию, основой, сюжетом которой была все та же пропасть между передовыми идеалами, шедшими к нам из Западной Европы, и мертвой русской действительностью. Страстно влюбленный в лучшие идеи и свободу культурного Запада и не видя кругом реальных условий для их осуществления, Белинский становится то на одну, то на другую сторону «социальной антиномии». То его увлекает философия Фихте, согласно которой идеалы признаются доподлинной действительностью, а допод-

линная действительность иллюзией, то он находит успокоение в одностороннем истолковании формулы Гегеля, будто все существующее разумно, т.-е. фатально необходимо. В первом случае русская действительность была сведена при помощи философии Фихте на степень иллюзии во имя торжества дорогих идеалов, а во втором, наоборот, идеалы на основании философии Гегеля были принесены в жертву для примирения с действительностью, которая начинает казаться гениальному критику разумной во всех своих проявлениях, без всякого исключения. Найти синтез, единство, плодотворное согласование перенесенной к нам западно-европейской передовой мысли с отсталыми социально политическими отношениями очевидно было в то время невозможно, если его не мог открыть такой гениальный и творческий ум, каким был Белинский ¹⁾.

Герцен, выступивший на историческую арену в ту же эпоху, ищет, подобно Белинскому, страстно и с присущей его бурному темпераменту эмоциональной тревогой разрешения все той же «социальной антиномии». По существу публицист-художник, Герцен, несмотря на свой большой обобщающий ум и истинную любовь к единству философской мысли, был менее философской натурой, нежели Белинский, которому, по свидетельству Тургенева, казалось весьма странным приступить к обеду, раз не закончен спор о бытии бога. Знаменитый автор «Былого и дум» был прирожденным общественным деятелем, с большим уклоном в сторону широкой, живой общественной деятельности большого масштаба. Быть может отчасти — говорю отчасти, так как, кроме субъективного момента, играла, без сомнения, роль и объективная обстановка, — эта именно черта и послужила главной побудительной причиной, почему Герцен в своих исканиях разрешения указанной антиномии останавливается на эклектическом компромиссе — правда, для того времени весьма оригинальном — между теорией самобытности славянофилов и коммунистическими идеалами западно-европейских утопистов.

Уже в 50-х годах он ставит вопрос, должна ли русская история в ходе своего будущего культурного развития повторить все стадии, пройденные западно-европейскими государствами, или же в недрах русской действительности кроются элементы, делающие излишним подобное повторение. И вопрос был решен в желательном направлении. Россия может избежать капиталистического периода, и ее жизнь может пойти по

¹⁾ Гениальный критик снова впоследствии, как известно, стал горячим сторонником западно-европейской культуры и государственности, но действительного синтеза он не нашел.

иным законам. Община составляет связующее звено, мост, по которому русский народ, воспитанный на коллективной собственности в своем общинном быту, может непосредственно перейти к социализму.

Эта привлекательная, заманчивая теория, ставшая впоследствии главной теоретической основой активного народничества, доказывалась в шестидесятых годах Чернышевским с большой обстоятельностью и философским остроумием ¹⁾.

Согласно этой самобытной теории, правовой гражданский порядок капиталистического государства рассматривался исключительно, как орудие в руках буржуазии для эксплуатации угнетенных масс, а борьба за политическую свободу считалась прямой изменой народу. Конечным выводом из этих построений был тот, что в России благодаря сохранившейся поземельной общине, социальный и политический переворот произойдут одновременно. Достижение такого радикального переворота представлялось народникам делом более или менее близкого будущего, так как субъект этого переворота, крестьянство, проникнуто инстинктивно, бессознательно социалистическими стремлениями.

Как бы ни расходились враждовавшие между собою главные направления внутри активного народничества — «впередовцы», испытывавшие на себе значительное влияние немецкой социал-демократии и относившиеся к ее теории и практике благосклонно, и «бунтари», исповедывавшие анархическую теорию Бакунина и Прудона, в основных предпосылках и конечных заключениях обе фракции были совершенно солидарны. Исходной точкой оставалась, как для одной, так и другой фракции, все та же поземельная община, а заключительным аккордом полное и упорное отрицание желательности и целесообразности борьбы за политическую свободу.

Подняв знамя политической борьбы и сообщив тем самым новый размах освободительному движению, «Народная Воля» сделала решительный шаг вперед. Тем не менее это новое направление в нашем освободительном движении оставалось по своему теоретическому существу на почве народничества. И с точки зрения «Народной Воли» крестьянство остается единственной народной массой, в среде которой бессознательно живут социалистические инстинкты, но массой, не способной к активной политической инициативе. Сообразно с этим актив-

¹⁾ Предвиденье возможности развития капитализма не только не подкашивает знаменитому писателю пересмотр своей оценки поземельной общины, но, наоборот, это предвиденье диктует необходимость всеми силами поддерживать общину во имя избежания капитализма с его «язвой пролетариата».

ная социалистическая интеллигенция берет на себя инициативу и, захватив политическую власть, передает ее народу, который приступит к делу организации социалистического порядка. Проповедуемое народничеством совпадение политического и социального переворота сохранилось, таким образом, *теоретически* в головах народовольцев в полной силе. Если формула народничества гласила «Все для народа и посредством народа», то формулой народовольцев являлось «Все для народа посредством интеллигенции». В этом отношении «Народная Воля» сделала несомненный шаг назад в сторону утопии.

Но как бы ни обстояло дело с теоретической последовательностью, или, вернее, непоследовательностью мирозерцания «Народной Воли», эта политическая организация развернула деятельность, которая показала и друзьям, и врагам свободы, что русская революционная интеллигенция умеет систематически, упорно, не останавливаясь ни перед какими жертвами, преследовать высокие исторические цели.

Высший, кульминационный пункт деятельности «Народной Воли», выразивший собою крайнюю степень напряжения, казнь Александра II, был в то же время — словно в хорошо продуманном драматическом произведении — завершением драматического действия.

Надежды и упования на положительный исход были безжалостно разбиты суровой действительностью. Организация распалась, и лишь в крупных городах ютились остатки пораженной армии без вождей и без снарядов; всякая попытка создать новую организацию разрушалась в самом зародыше. Реакция ползла со всех углов. Подобно тому, как после грозы на поверхности земли появляется множество отвратительных пресмыкающихся, на арену общественной жизни выступили все ничтожные реакционные силы, гордо подняв свою голову.

Но длительное историческое движение сделало свое дело. «Наш «мыслящий пролетариат», писал Г. В. Плеханов в брошюре «Социализм и политическая борьба», «сделал уже очень много для освобождения своей родины. Он расшатал царизм, пробудил политический интерес в обществе, занес семя социалистической пропаганды в среду нашего рабочего класса».

Совершенно естественно, что такое крупное историческое наследие должно было найти себе достойного и щедро одаренного природой преемника, который, исходя из критики прошедшего и в то же время не разрывая с ним, открыл бы новые пути.

Таким именно новатором явился Г. В. Плеханов.

II.

В 1883 году выступила на широкую дорогу исторической жизни Группа «Освобождения Труда». В ее состав, кроме Г. В. Плеханова, вошли хорошо известные международному социализму П. Б. Аксельрод, Л. Г. Дейч и Вера Засулич¹⁾.

Первым изданием Группы «Освобождение Труда», была, как известно, брошюра Г. В. Плеханова «Социализм и политическая борьба».

В этом замечательном произведении Г. В. Плеханов обратился к русской революционной интеллигенции и русскому рабочему классу с новым словом в полном историческом значении этого термина.

Всякий мыслящий, добросовестный и беспристрастный читатель, к какому лагерю он бы ни принадлежал, должен, читая эту замечательную работу, признать, что молодой автор прошел большую школу, что им продумано много дум и прочитано много книг, что усвоенное и творчески приложенное им миросозерцание стоило ему не мало умственных и душевных усилий, что он вступал на новый путь осторожно, осмотрительно, скептически оглядываясь кругом, и что, наконец, ему было очень тяжело расставаться с дорогими ему народническими убеждениями. В предисловии мы читаем: «Стремление работать *в народе* и для народа, уверенность в том, что «освобождение рабочего класса должно быть делом самого рабочего класса» — эта *практическая* тенденция нашего народничества дорога мне попрежнему. *Теоретические* же его положения, действительно, кажутся мне во многих отношениях ошибочными. Годы пребывания за-границей и внимательного изучения социального вопроса убедили меня, что торжество стихийного народного движения, вроде бунта Ст. Разина или крестьянских войн в Германии, не может удовлетворить социально-политических нужд современной России, что старые формы нашей народной жизни носили в самих себе много зародышей своего разложения и что они не могут «развиться в высшую коммунистическую форму» без непосредственного воздействия на них сильной и хорошо организованной *рабочей* социалистической партии». «Поэтому рядом с борьбой против абсолютизма,—заклучал Плеханов,—русские революционеры должны стремиться, по крайней мере к выработке элементов для создания такой

¹⁾ Еще в конце 80-х годов острили по поводу количественного состава этой русской марксистской организации, что ей не следует кататься на лодке, так как несчастный случай может пустить на дно всю марксистскую партию.

партии в будущем». В этих нескольких строках предисловия точно намечена главная тема работы.

Критика ведется на два фронта: против анархизма бакунистов, с одной стороны, и бланкизма «Народной Воли», с другой. И то и другое направление мысли имеет ошибочное представление об отношении экономии к политике, обуславливающее собою ложные практические выводы. Русские анархисты народники полагают, что социализм несоместим с вмещательством в политическую жизнь буржуазного государства, а русский бланкизм видит, наоборот, в захвате власти альфу и омегу всего социалистического движения.

Корень этого заблуждения лежит в ошибочном представлении закона причинности.

Целым рядом блестящих примеров Г. В. Плеханов, развивая взгляд Энгельса на этот сложный предмет, показывает, что научное рассмотрение взаимоотношения явлений не позволяет фиксировать причину и следствие, как определенные, метафизические неподвижные категории. В сложных процессах природы, а тем более в социальной жизни одно и то же явление может быть и бывает то причиной, то следствием, в зависимости от различных условий среды. «По учению классической экономии, иллюстрирует автор эту мысль, высота заработной платы определяется, в среднем выводе, уровнем насущнейших потребностей рабочего. Значит, данная высота заработной платы есть *следствие* данного состояния потребностей рабочего. Но, со своей стороны, потребности эти могут повыситься лишь в случае повышения заработной платы, потому что иначе и не было бы достаточной причины для изменения их уровня. Следовательно, данная высота заработной платы есть *причина* данного состояния потребностей рабочего. Из этого логического круга нельзя вырваться с помощью школьных категорий причины и следствия. А мы будем попадать в него на каждом шагу наших социологических рассуждений, если забудем, «что причина и следствие суть понятия, имеющие значение лишь в применении к отдельным случаям; но раз мы рассматриваем этот случай в его общей мировой связи, то причина и следствие совпадают, их противоположность исчезает при созерцании всемирного взаимодействия, в котором причина и следствие постоянно меняются местами и то, что теперь или здесь, — следствие, станет там или тогда причиной, и наоборот» (Из «Антидюринга» Энгельса).

В этом именно причинном взаимоотношении находится экономия к политике.

Эти теоретические соображения подтверждаются вслед затем эмпирическими фактами общественно-исторического развития,

ясно показывающими, что везде, где экономический процесс вызывает разделение общества на классы, — противоречие экономических интересов этих классов неизбежно приводило к борьбе за политическое господство. В частности, буржуазия являет собою образец сознательной классовой, политической борьбы: «Ставя себе, пишет там Г. В. Плеханов, совершенно определенные, хотя современным и изменяющиеся, социально-экономические цели, почерпая средства для своей дальнейшей борьбы из приобретенных уже выгод своего материального положения, буржуазия не упустила ни одного случая дать правовое выражение достигнутым ею ступеням экономического прогресса и, наоборот, с таким же искусством пользовалась каждым своим политическим приобретением для новых завоеваний в области экономической жизни». Тем же испытанным путем должен идти рабочий класс к своей конечной цели и фактически в передовых странах Западной Европы, где капитализм достиг внушительных размеров, он вступил на этот путь.

Благодаря своему экономическому и историческому положению и благодаря всей непосредственно окружающей обстановке, рабочий в зародыше, инстинктивно, потенциально социалист, но это потенциальное состояние не должно быть использовано для стихийных вспышек, служащих лишь величайшим тормозом для целесообразной организации масс, а должно развиваться в классовое политическое сознание.

Подвергая критике анархическую теорию и тактику, Г. В. Плеханов рисует процесс развития и созревание сознания и силы пролетариата в следующих выражениях. «Они (рабочие, *Op.*) стремятся к политическому господству, чтобы помочь себе путем изменения существующих социальных отношений и приспособления общественного строя к условиям своего собственного развития и благосостояния. Разумеется, они тоже не вдруг достигают господства; лишь постепенно становятся они грозной силой, исключающей в умах противников всякую мысль о сопротивлении. Долгое время добиваются они лишь уступок, требуют лишь таких реформ, которые дали бы им не господство, а только возможность расти и созревать для будущего господства, реформ, которые удовлетворили бы самые насущные, самые ближайшие их требования и хоть немного расширили бы сферу их влияния на общественную жизнь страны. Только пройдя суровую школу борьбы за отдельные клочки неприятельской территории, угнетенный класс приобретает настойчивость, смелость и развитие, необходимые для решительной битвы. Но раз приобретя эти качества, он может смотреть на своих противников как на класс, окончательно осужденный историей, он может уже не сомневаться в своей победе. Так

называемая революция есть только последний акт в длинной драме революционной классовой борьбы, которая становится сознательной лишь постольку, поскольку она делается борьбой политической».

Так намечал Г. В. Плеханов движение пролетариата к своей конечной цели, определяя тем самым отношение программы минимум к программе максимум. Сознательный пролетариат ведет борьбу за социально-политические реформы, но реформы им отстаиваемые отличаются от реформ социал-реформаторов тем, что каждая из них должна быть согласована с конечной целью, составляя «клочок неприятельской территории». С точки зрения общей, целостной программы рабочего класса только те реформы заслуживают внимания и требуют борьбы, которые имеют своим ближайшим следствием демократизацию государства, улучшение экономического положения рабочего и которые служат цементом для организации масс и, прежде всего, импульсом для развития классового сознания.

Критерием, масштабом качества и значения каждой реформы является, таким образом, конечная цель.

Далее. Рядом и в связи с определением отношения экономической борьбы к политической и программы минимум к программе максимум, имеющим общее значение, Г. В. Плеханов намечает русскую программу.

В противоположность народническим утопиям всех оттенков автор «Социализма и политической борьбы» делает своей исходной точкой несомненный для него факт существования в России капитализма и неизбежную необходимость его дальнейшего развития. Субъект капитализма—буржуазия будет вынуждена ходом вещей рано или поздно стать в оппозиционное отношение к абсолютизму, так как буржуазный экономический уклад не может развернуться в надлежащем масштабе без гражданских и политических свобод. С другой стороны растет количественно и качественно двойник буржуазии — пролетариат. Этот, по существу своему, класс — новатор, сила которого состоит в его тесном сплочении и ясном классовом сознании своих исторических задач, нуждается для приобретения этой силы в политической свободе не меньше, а может и больше буржуазии.

Перед русским пролетариатом стоит, таким образом, двойная и в высокой степени сложная задача. — С одной стороны, ему приходится вести классовую борьбу против буржуазии, являясь по всей линии ее антагонистом, а с другой — он должен идти вместе с ней и оказывать ей поддержку, поскольку она становится в оппозиционное отношение к абсолютизму. Послушаем опять нашего автора:

«Мы думаем, что единственно не фантастической целью русских социалистов может быть теперь только завоевание

свободных политических учреждений, с одной стороны, и выработка элементов для образования будущей *рабочей социалистической партии* России — с другой. Они должны выставить требование демократической конституции, которая вместе с «правами человека» обеспечила бы рабочим «права гражданина» и дала бы им путем всеобщего избирательного права возможность активного участия в политической жизни страны. Не пугая никого далеким пока «красным призраком», такая политическая программа вызвала бы к нашей революционной партии сочувствие всех, не принадлежащих к систематическим противникам демократии; вместе с социалистами под ней могли бы подписаться очень многие представители нашего либерализма. И между тем как захват власти той или другой тайной революционной организацией всегда останется лишь делом этой организации и лиц, посвященных в ее планы, агитация в пользу названной программы была бы делом всего русского общества, в котором она усиливала бы сознательное стремление к политическому освобождению. Тогда интересы либералов действительно «заставили» бы их «вместе с социалистами действовать против правительства», потому что либералы перестали бы встречать в революционных изданиях уверения в том, что ниспровержение абсолютизма будет сигналом социальной революции в России. Вместе с тем другая, менее пугливая и более трезвая часть либерального общества перестала бы видеть в революционерах непрактичных юношей, задающихся несбыточными и фантастическими планами. Этот невыгодный для революционеров взгляд уступил бы место уважению общества не только к их героизму, но и к их политической зрелости. Постепенно это сочувствие перешло бы в активную поддержку или, что вероятнее, в самостоятельное общественное движение, и тогда пробил бы наконец час падения абсолютизма. Социалистическая партия играла бы в этом освободительном движении весьма почетную и выгодную роль. Ее славное прошлое, ее самоотвержение и энергия придали бы вес ее требованиям, и она имела бы, по крайней мере, шанс завоевать, таким образом, народу возможность политического развития и воспитания, а *себе* право открытого обращения к нему с своей проповедью и открытой организации его в особую партию».

Мы привели эту выдержку, несмотря на ее размеры, во-первых, потому, что мысли, в ней высказанные, ярко характеризуют дальновидный и творческий ум молодого автора; во-вторых, этой выдержкой, как и выше приведенными цитатами, мы считаем полезным напомнить нашему читателю основы первой программы Группы Освобождения Труда».

Приведенная выдержка отчетливо свидетельствует о том, до какой степени Г. В. Плеханов знал психологию нашей народнической революционной интеллигенции.

Русская революционная интеллигенция, воспитавшаяся на западно-европейской идеологии, сжившаяся с увлекательной мечтой об одновременном политическом и социалистическом перевороте, естественно теряла всякую связь с прозаической, далеко отставшей русской действительностью. Резкий контраст между идеалами и окружающей реальной средой, подпольная работа десятилетиями, ссылка, эмиграция, тюремное заключение, каторга — все эти факторы изоляции отрывали революционную интеллигенцию от реальной жизни и ставили ее вне общества, по ту сторону его.

Чувствуя себя выше окружающего тусклого мира, являясь единственно активной протестующей силой, она не выработала в себе необходимого для общественного деятеля такта, гибкости политической мысли и умения оказывать влияние на умеренные общественные элементы и вести их за собой.

Напротив того, долготелетняя систематическая изоляция развила в ней бойкотистскую психологию, догматическую неподвижность и прямолинейность поведения.

Гордая своим критическим сознанием, своими бесчисленными жертвами, мученическим крестом, своими могилами и, наконец, результатами своей деятельности, она аристократически противопоставляла себя всему робкому, нерешительному и трусливому либеральному обществу, рассматривая его, как ничтожную величину.

Такое противопоставление было и остается до сих пор в известном смысле вполне законным явлением. Но нравственное право на такое отношение шло вразрез с политическим расчетом. Настойчиво рекомендуя революционным элементам идти вместе с оппозиционной буржуазией, оказывать ей поддержку и вести ее за собою во имя политического освобождения России, Г. В. Плеханов не строит себе никаких иллюзий относительно характера нашей буржуазии. Ему известно, не менее чем любому анархисту, что буржуазный правовой государственный порядок не будет Аркадией для рабочего класса, что, овладев властью, буржуазия поведет войну против рабочего класса и пустит в ход все свои материальные и правовые ресурсы. Но это предвидение не должно вести к вредным, ошибочным, задерживающим историческое движение выводам; это предвидение подсказывает лишь необходимость организации масс и развития классового сознания, которое растет и крепнет в политической борьбе, при столкновении с разнообразными общественными силами. «Сама социалистическая партия, читаем мы в той же брошюре, завоевавши либеральной буржуазии свободу слова

и действия, может очутиться в «исключительном» положении, подобном положению современной немецкой социал-демократии. В политике на благодарность вчерашних союзников и нынешних врагов может рассчитывать лишь тот, кому невозможно рассчитывать на что-либо более серьезное.

Характеризуя господство буржуазии, Маркс остроумно замечает, что лозунги Великой Французской революции: Свобода, Равенство и Братство она — буржуазия — превратила в артиллерию, кавалерию и пехоту. Но эта оценка отнюдь не помешала Марксу зло и по заслугам высмеивать «истинных социалистов» Германии конца сороковых годов, ставших в отрицательное, бойкотистское отношение к борьбе немецкой буржуазии против абсолютизма и проповедовавших народной массе, что в этом буржуазном движении она ничего не может выиграть.

Такая двойственная оценка роли буржуазии не была, конечно, логическим противоречием, а определялась диалектическим отношением к противоречивой действительности.

Усвоив с изумительной тонкостью диалектический метод и творчески применив его к анализу русской действительности, шагнувшей в социально-экономическом отношении далеко вперед не только со времени Чаадаева и Белинского, но и со времени Чернышевского, Плеханову удалось найти разрешение «социальной антиномии».

Брошюра «Социализм и политическая борьба», шедшая вразрез со всеми народническими традициями, привычным способом социально-политического мышления и чувствования 70-х годов вызвала бурю негодования.

В литературе против нее выступили Петр Лаврович Лавров, посвятив ей рецензию, и Лев Тихомиров — статью под заглавием: «Чего нам ждать от революции?»

К первой части брошюры — там, где изложены основные положения научного социализма, — Петр Лаврович Лавров, являясь поклонником Маркса, отнесся весьма благосклонно, даже похвалил автора за блестящее изложение.

Но другую оценку вызвала вторая часть, т.-е. намеченная новая программа деятельности и ее обоснование. Группа «Освобождение Труда» — полагал Лавров — вряд ли имела нравственное право на самостоятельное выступление, так как своим существованием она внесет элемент дезорганизации в и без того распыленную социалистическую среду.

Впрочем, едко замечает Лавров, сильного опасения эта группа не внушает, так как у нее нет никаких шансов на успех в будущем¹⁾.

¹⁾ Не имея под рукою «Вестника Народной Воли», где была напечатана указанная рецензия, мы воспроизводим ее содержание на память.

Такой прогноз со стороны осторожного П. Лаврова, который обычно с радостью приветствовал всякую оппозицию, поучителен во многих отношениях, но прежде всего он внятно и убедительно показывает степень смелости творческой мысли новатора.

«Социализм и политическая борьба», это первое издание Группы «Освобождение Труда», открывает собою, без всякого сомнения, новую эпоху в истории русской общественной мысли и революционной практической деятельности. Выступление на Казанской площади нашло в этом произведении свое теоретическое обоснование.

Вначале было ясно.

СОДЕРЖАНИЕ.

	СТР.
Г. В. Плеханов (к 40-му юбилею)	3
Из моих воспоминаний о Г. В. Плеханове	17
Об отношении Г. В. Плеханова к искусству. По личным воспоминаниям	27
Памяти Веры Ивановны Засулич	37
А. И. Герцен (к пятидесятой годовщине смерти)	47
Томмазо Кампанелла (к 350-летнему юбилею)	56
